DOI: 10.53737/2713-2021.2025.83.72.007

С.А. Ярыгин, Б.М. Хасенова, С.К. Сакенов

«СОЛНЦЕГОЛОВЫЙ» ЛУЧНИК ИЗ КАЙРАККОЛЬ (КОЧЕВНИКИ ПОЗДНЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ МЕЖДУ КОКЕНТАУ И АЛАТАУ)*

В статье публикуются материалы археологических исследований, проведённых в 2019—2024 гг. на территории Восточного Жетысу. В ходе исследований осуществлены раскопки погребальных памятников, зафиксированы новые скопления петроглифов. По результатам работ получена важная информация об этнокультурных особенностях кочевников позднесакского времени. Современные данные показывают, что в IV—III вв. до н.э. в регионе появляются кочевники кулажоргинской культуры Восточного Казахстана, которые вступают во взаимодействие с местными сакскими племенами. На их основе формируется общность, занимающая промежуточное положение между племенами, расселившимися в Кокентау и Иле Алатау. Этим же периодом датируются их контакты с эллинистической культурой, которые нашли отражение в появлении уникального изображения лучника. Совокупность полученных данных позволяет реконструировать важные процессы, которые протекали накануне серьёзных этнических и политических перегруппировок, связанных с хунно-юэчжийскими войнами во II в. до н.э.

Ключевые слова: археология, Кайракколь, Кокентау, петроглифы, курганы, знаки, кочевники, эллинизм.

Сведения об авторах: Ярыгин Сергей Александрович[1], PhD, Шәкәрім университет; Хасенова Бакыт Мулдашевна[2], PhD, Шәкәрім университет; Сакенов Сергазы Кайырбекович[3], PhD, Шәкәрім университет.

Контактная информация: [1–3]071400, Казахстан, г. Семей, ул. Шугаева 159/3, Шәкәрім университет; e-mail: [1]sergeyyarygin80@gmail.com; [2]alicar@inbox.ru; [3]sergazi_82@mail.ru.

Sergey Yarygin, Bakyt Khassenova, Sergazy Sakenov

“SUN-HEAD” ARCHER FROM KAIRAKKOL (NOMADS OF THE LATE SAK TIME BETWEEN KOKENTAU AND ALATAU)

The article publishes materials of archaeological research conducted in 2019—2024 in the territory of Eastern Jetisu. Excavations of burial monuments were carried out, new clusters of petroglyphs were recorded. As a result of the work, important information was obtained about the ethnocultural characteristics of the nomads of the late Saka period. Modern data show that in the 4th — 3rd centuries BCE, nomads of the Kulazhorgin culture of Eastern Kazakhstan appeared in the region, who interacted with the local Saka tribes. On their basis, a community was formed that occupied an intermediate position between the tribes that settled in Kokentau and Ile Alatau. Their contacts with the Hellenistic culture, which were reflected in the appearance of a unique image of an archer, date back to the same period. The totality of the data obtained makes it possible to reconstruct important processes that took place on the eve of serious ethnic and political regroupings associated with the Xiongnu-Yuezhi wars in the 2nd century BCE.

Key words: archeology, Kayrakkol, Kokentau, petroglyphs, burial mounds, signs, nomads, Hellenism.

About the authors: Yarygin Sergey[1], PhD (History), Shakarim University; Khassenova Bakyt[2], PhD, Shakarim University; Sakenov Sergazy[3], PhD, Shakarim University.

Contact information: [1–3]071400, Kazakhstan, Semey, 159/3 Shugaev St., Shakarim University; e-mail: [1]sergeyyarygin80@gmail.com; [2]alicar@inbox.ru; [3]sergazi_82@mail.ru.

---

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2024—2026, ИРН проекта BR24992916.

Статья поступила в номер 5 мая 2025 г.
Принята к печати 19 мая 2025 г.

© С.А. Ярыгин, Б.М. Хасенова, С.К. Сакенов, 2025.

Введение

В период с 2020 по 2024 г. на территории Аксуского района Жетысуской области Республики Казахстан проведены научно-исследовательские работы, включающие исследование погребальных объектов, поиск и фиксацию памятников наскального искусства. Начало работ связано с археологическими раскопками на могильнике Таусамалы и разведывательными работами в его окрестностях. В 2019 г. на участке строительства автотрассы Алматы—Усть-Каменогорск, на восточной окраине посёлка Таусамалы обнаружен и исследован погребальный комплекс раннего железного века. В колодцеобразной глубокой яме в каменном ящике выявлено парное погребение. Два индивидуума были уложены на правый бок, головой на северо-восток. С левой стороны от ящика находились три сопроводительных захоронения лошадей. Памятник вызвал научный интерес неординарным для региона погребальным обрядом, вследствие чего в 2020 г. предприняты новые поиски памятников такого типа. По результатам разведки определено, что курган 2019 г. занимал крайнее северное положение в крупном могильнике, который получил название по ближайшему населённому пункту (рис. 1). В этом же году были осуществлены раскопки двух курганов № 33 и 34 в центре могильника. Кроме этого, проведена разведка на ближайших к могильнику западных склонах гор Кайракколь, в результате которой обнаружено скопление знаков и петроглифов, датирующихся от эпохи бронзы до Средневековья. Исследования на могильнике Таусамалы продолжались вплоть до 2023 г., изучены курганы № 2, 3, 25, 90—95. В 2024 г. осуществлены археологические раскопки на близких по планиграфии и архитектуре курганов могильниках Баласаз и Тастыбуйен, расположенных в южной части Аксуского района.

В 2022 г. в Институте археологии имени А.Х. Маргулана сформирован Таусамальский археологический отряд. В период до 2024 г. проведены раскопки кургана № 45 на могильнике Таусамалы, заложены два раскопа на одноимённом поселении, осуществлены рекогносцировочные раскопки на могильнике Суук 3.

Ещё одной задачей отряда стал поиск и фиксация наскальных изображений, в первую очередь, тамг кочевников гунно-сарматского периода (Ярыгин и др. 2024: 186—201). Всего за период исследований зафиксировано более 130 групп наскальных изображений, которые занимают южный склон плато Суук в западной части гор Кайракколь и на восточных склонах гор Каракунгей в ущелье р. Аксу. Порядка 10-ти разных групп обнаружено на западных склонах Сарытау и в ущелье р. Тастыбуйен. Несколько небольших групп изображений обнаружены в ущелье р. Баскан и в горах Коныртау. В разные группы входит от 50-ти до 200 и более петроглифов. Некоторые из них идут сплошным массивом по скальным плоскостям южных склонов плато и ущелий. Репертуар, за редким исключением, достаточно однообразен — сцены охоты или шествия животных, изображения козлов и архаров, верблюдов, быков и коров, хищников — собак, волков, кошачьих. Встречаются разные антропоморфные фигуры, в том числе всадники, лучники, воины с оружием ближнего боя. По аналогиям среди изображений в скоплениях Жетысу и Саяно-Алтая, наличию палимпсестов, манере исполнения и степени патины выделяются петроглифы эпохи бронзы, раннего железа и Средневековья.

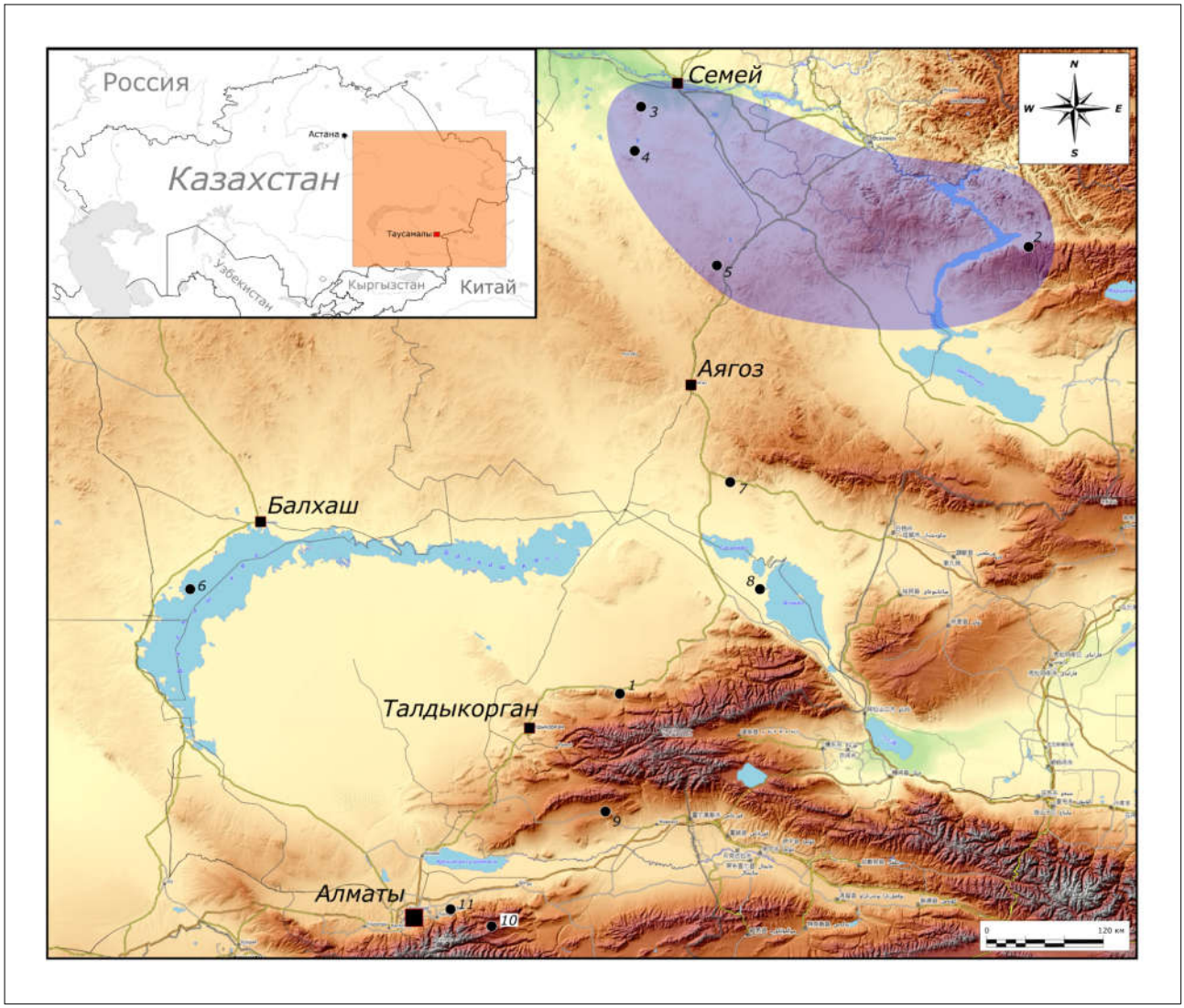

Рис. 1. Локализация памятников: *1* — археологический комплекс Таусамалы; *2* — мог. Кула-жорга; *3* — мог. Семейтау; *4* — мог. Котырбулак; *5* — мог. Секен; *6* — мог. Тасарал-3; *7* — погребение Урджар; *8* — Кулажоргинские памятники, исследованные Г.А. Кушаевым у оз. Алаколь; *9* — мог. Калкан 1; *10* — мог. Кызылбулак; *11* — мог. Иссык. Фиолетовым цветом выделен предположительный ареал памятников кулажоргинской культуры.

Fig. 1. Localization of monuments: *1* — Tausamaly archaeological complex; *2* — Kula-Zhorga burial ground; *3* — Semeytau burial ground; *4* — Kotyrbulak burial ground; *5* — Seken burial ground; *6* — Tasaral-3 burial ground; *7* — Urjar burial ground; *8* — Kulajorga monuments studied by G.A. Kushaev near Lake Alakol; *9* — Kalkan 1 burial grounds; *10* — Kyzylbulak burial ground; *11* — Issyk burial ground. The presumed area of the Kulajorga culture monuments is highlighted in purple.

Материалы

В 2023 г. в группе № 85 зафиксировано одно из самых узнаваемых и запоминающихся изображений. На горизонтальной прямоугольной скальной плоскости выбита сцена противостояния солнцеголового лучника и двух козлов. Кроме этого, в композицию входили другие изображения — овальная фигура с семью отростками, козлы, метки и гравировки (рис. 2).

Лучник в динамичной позе, в лучистом головном уборе или с особой причёской, с развёрнутыми в разные стороны ступнями ног, показан в профиль. На голове фиксируется

20 лучей, которые пересекают две параллельно идущие дуги, огибающие круглую голову. Концы дуг раздвоенные. Небольшой отросток свисает сзади ниже дуговидных элементов. Спереди, между головой и нижней дугой?, хорошо видны шесть точек. Общее впечатление, что так показан специфический головной убор. На груди лучника, ближе к основанию толстой шеи, выбит скобо- или подковообразный элемент.

Человек одет в длинный кафтан или рубаху прямого силуэта с небольшим расширением снизу, заканчивающийся ниже колен. Персонаж держит простой лук и стрелу. Лук, который он держит посередине правой вытянутой вперёд рукой, показан в натянутом состоянии. Левая рука согнута в локте и заведена за спину. Человек запечатлён в момент, когда он оттянул тетиву и приставил к ней хвостовик стрелы. Она имеет наконечник с длинным жальцем. Под луком и перед коленом стреляющего нанесена глубокая выбивка подпрямоугольной формы. Правая нога сильно согнута в колене, значительно выведённом вперед. Левая нога прямая, отставлена назад. Она изображена короче правой. Ступни оформлены своеобразно: длинные, с острыми носками, разведёнными в противоположные стороны.

Судя по расположению рук и ног, человек стоит вполоборота. Для того, чтобы показать ощущение динамичности позы в напряжённый момент наведения стрелы на мишень и перед тем, как она будет отпущена, центр тяжести перенесён на правую ногу, поэтому акцентируется внимание на согнутом колене. Также с этой же целью изображение выполнено с нарушением пропорций — нога, стоящая позади, показана более короткой.

Напротив человека стоят два козла с метками в виде стрел; одна метка выбита в районе шеи нижнего животного, другая метка — над спиной верхнего козла. Выбивка аккуратная, края прорезанные, ровные, патинизация сильная (рис. 3).

Необходимо обратить внимание, что композиция неоднократно менялась, в связи с чем, соответственно, можно предположить, что происходили серьезные изменения в ее содержании и самого сюжета во времени. Первоначально на горизонтальной плоскости в нижней части большого скальника была выбита основная сцена, которая включала в себя фигуру лучника, двух козлов и неизвестную фигуру за козлами. Судя по направлению предполагаемого полета стрелы, лучник целится именно в этого несохранившегося по какой-то причине персонажа. У стоп лучника и ниже неопознанного изображения выбиты массивные брусковидные или подпрямоугольные изображения. К этому же времени относится и символ в нижней части сцены в виде центральной горизонтальной линии, которую пересекают семь вертикальных.

Позднее неизвестная фигура за двумя козлами была изменена — перебита грубым инструментом с широкой ударной частью. После чего она приняла современный вид: очень крупная яйцевидная с семью короткими отростками по бокам — тремя с правой и четырьмя с левой стороны. Правые несколько крупнее по размерам и две из них, средняя и нижняя, отделены от центральной. Верхняя часть оформлена в виде ромбовидной головы, с левой стороны от которой просматривается нижний слой палимпсеста — небольшая петелька с двумя небольшими острыми деталями на внешней стороне. Между правой стороной «головы» и верхним правым отростком имеется тонкая линия. В данной композиции лучник стреляет теперь в устрашающего вида существо, похожее на огромного паука или жука.

Рис. 2. Основная композиция с солнцеголовым лучником в группе № 85.

Fig. 2. The main composition with the sun-headed archer in group No. 85.

В то же время ниже яйцевидной фигуры на одинаковом расстоянии друг от друга выбиты четыре фигуры. Полностью завершённой выглядит только одна. Это грубо стилизованное изображение козла с округлой мордой под основной сценой с противостоянием. Вторая — П-образная фигура начата выбиваться на имевшейся ранее длинной линии, от краёв которой вниз опущены две вертикальные широкие линии. Левее, за глубокой трещиной в скальнике, выбито скобообразное изображение идентичного размера. Отдельная линейная длинная выбивка и бесформенная метка сделаны на северо-западном краю плиты. Четыре фигуры от метки до полной фигуры козла производят впечатление последовательного проявления данного персонажа, отображённое таким образом за- и под яйцевидной фигурой с отростками.

Судя по всему, в период обновления сцены нанесены глубокие вертикальные гравировки, которые помещены поверх яйцевидной фигуры, но в ряде случаев находятся под грубой выбивкой.

Третий хронологический период в композиции отмечен новой гравированной фигурой козла и множественными тонкими гравированными линиями, которые образуют некие трудно интерпретируемые фигуры. Кроме того, была незначительно обновлена яйцевидная фигура и обновлён или заново прочерчен ряд резных линий.

Ранний слой композиции выбит в технике пикетажа, который осуществлялся металлическим инструментом с ударной поверхностью шириной не больше 2 мм. Судя по всему, он производился после создания контура фигуры, как это видно по его остаткам на одной из стоп. Контур и отдельные детали изображения создавались методом резьбы. Фигуры второго хронологического слоя созданы в технике грубой выбивки. Судя по следам от удара диаметром от 2 до 4 мм, рваным краям и сколам, в качестве инструмента использовалось каменное орудие. На третьем этапе применялись исключительно гравировки, которые были выполнены тонким металлическим инструментом.

Рис. 3. Фрагмент сцены с лучником и отдельные детали изображения.

Fig. 3. Fragment of the scene with an archer and individual details of the image.

Дискуссия

Сцена с охотой, сопровождающие её символические метки и фигуры, прежде всего, находят аналогии в петроглифах, выявленных в горах Кайракколь (рис. 4). По технике, стилистике и типу выбивки двух козлов, лучника и брусковидную линию можно сопоставить с рядом изображений, ранее зафиксированных в святилище Таусамалы. Памятник расположен на

западной оконечности гор Кайракколь, вплотную к одноимённому могильнику. В составе памятника выявлено шесть пунктов со знаками и петроглифами, которые занимают площадь 15 × 30 м на юго-западном склоне отрога, у начала горного перевала на плато Суук.

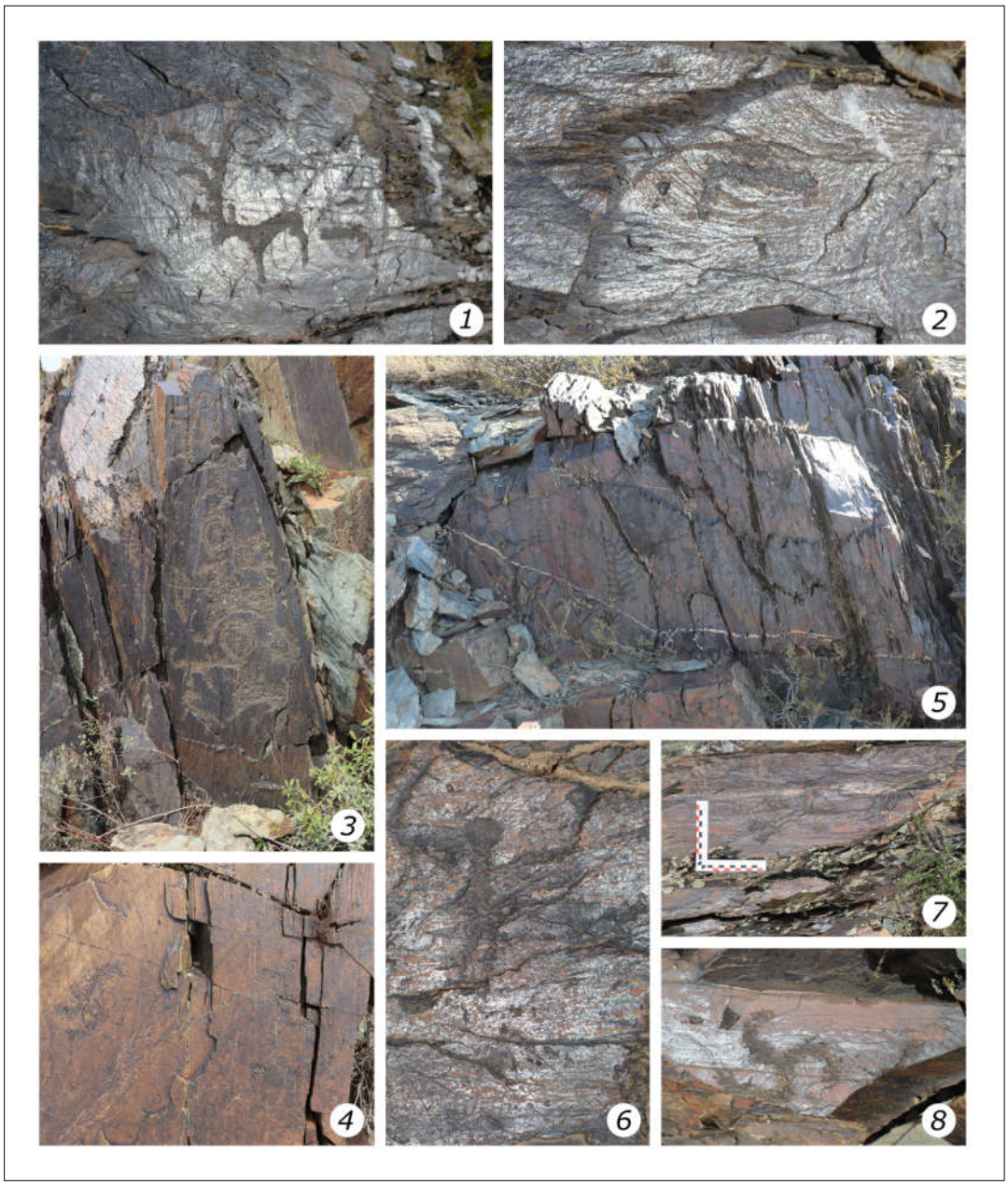

Рис. 4. Аналогии композиции и её отдельным деталям в горах Кайракколь: *1* — изображение оленя и Г-образной тамги в святилище Таусамалы; *2* — одиночная Г-образная тамга в святилище Таусамалы; *3* — сцена охоты лучника с собаками на двух козлов в группе № 48; *4* — две тамги в группе № 48; *5* — ёлочный символ в пункте № 6 святилища Таусамалы; *6* — антропоморфная фигура в группе № 61; *7* — парные тамги в группе № 61; *8* — одиночная тамга в группе № 61.

Fig. 4. Analogies of the composition and its individual details in the Kayrakkol Mountains: *1* — image of a deer and a Г-shaped tamga in the Tausamaly sanctuary; *2* — a single Г-shaped tamga in the Tausamaly sanctuary; *3* — a scene of an archer hunting with dogs for two goats in group No. 48; *4* — two tamgas in group No. 48; *5* — a tree-shaped symbol at point No. 6 of the Tausamay sanctuary; *6* — anthropomorphic figure in group No. 61; *7* — paired tamgas in group No. 61; *8* — a single tamga in group No. 61.

Стоит обратить внимание на оленя, который выбит на широкой и горизонтальной скальной плите. Петроглиф входит в группу с тремя знаками и двумя изображениями козлов или архаров. Фигура оленя показана в профиль, видны только две ноги, поза статичная. Хорошо просматриваются отдельные детали тела. Шея толстая, она плавно переходит в крупную морду. На голове изображено длинное ухо и непропорционально длинные рога, состоящие из основной линии, от которой отходят три отростка. Ноги ровные и слегка направлены вперед, копыта не показаны, хвост короткий. Края изображения прорезаны, выбивка глубокая, пикетаж плотный. Изображение оленя датируется ранним железным веком. Похожие фигуры встречаются в скоплениях среди петроглифов раннего железного века в Жетысу и в Восточном Казахстане (Бейсенов, Марьяшев 2014: 98, рис. 10; Самашев 1992: 57, рис. 64: 2—6, 13).

Кроме этого, в состав композиции с оленем входит изображение горизонтально показанного Г-образного знака. Общие размеры площади, занимаемой двумя фигурами, — порядка 484 см^2. Знак нанесён на скалу в 3 см справа. Длина знака 9 см, короткой вертикальной линии, опущенной вниз — 4 см; толщина линий колеблется от 1,5 до 1,7 см. Имеется два диакритических элемента. В 2 см ниже расположена округлая выбивка диаметром 1,5 см. В 3 см выше — линия выбивки длиной 3,7 см, толщиной от 0,5 до 0,7 см (рис. 4: 1). Идентичный знак обнаружен выше по склону на узкой вертикальной грани. Он так же имеет форму в виде буквы «Г», однако ориентирован противоположно предыдущему. Размеры знака с дополнительными изображениями 8 × 12 см. Длина основной линии 8 см, длина перпендикулярной линии 4 см, толщина линий знака 1,5 см. В 3 см ниже — выбивка длиной 1,7 см, шириной от 0,5 до 1 см. В 2,5 см к востоку выбита округлая точка диаметром 1 см. В 0,5 см выше расположена линия длиной 3,5 см, толщиной 1 см (рис. 4: 2).

Техника и манера выбивки оленя совпадает с той, которая фиксируется у двух козлов и лучника. Верхние прямоугольные выбивки у Г-образных знаков сопоставляются с идентичным элементом из композиции в группе № 85.

В святилище Таусамалы зафиксировано ещё одно символическое изображение, которое аналогично ёлочной фигуре ниже сцены с противостоянием лучника и двух козлов. Оно расположено у подножия гряды на вертикальной плоскости, ориентированной на юго-запад. В пункте зафиксировано 15 рисунков: два знака, девять силуэтов животных, одна антропоморфная фигура, три выбивки. Верхнюю часть плоскости занимают четыре фигуры лошади. С левого края изображена сцена, на которой большеголовый и большерогий козёл, упирающийся мордой в вершину ёлочнообразного знака, с длинной, изогнутой влево основной линией, которую пересекают короткие поперечные линии: с левой стороны 12, с правой — 10, и ещё одна выбита отдельно, немного ниже. Средняя длина коротких линий примерно 5 см. Общая длина знака с учётом изгиба равна 48 см (рис. 4: 4).

Символ в виде дерева зафиксирован в группе № 48 на вертикальной плоскости слева от сцены охоты лучника и собак на козлов с крупными телами. Основная композиция датируется эпохой бронзы. Однако позднее, вероятно, одновременно с нанесением ёлочного знака она была сильно подновлена. Кроме того, в сцену были добавлены фигуры крупных собак с длинными хвостами. Они выполнены другим инструментом с более крупной ударной поверхностью и менее патинизированы. Композиция является хорошим палимпсестом. Интересно отметить, что символ в виде ёлки добавлен к сцене, где имеется противостояние лучника и смотрящих в его сторону двух козлов. Напротив ёлочной фигуры и сцены охоты на скальнике с западной экспозицией расположены две тамги — трикветр и циркульный знак с несколькими диакритическими элементами (рис. 4: 4—5).

В группе № 62 на плоском скальном выходе длиной 15 см, шириной 3 м, на уплощённой вершине гряды плато Суук зафиксировано несколько уникальных изображений, выполненных в технике пикетажа — стилизованные до орнаментальных форм фигуры лошади и оленя, дракона, три тамги. Над изображениями лошади и оленя выбита миниатюрная фигурка человека с колчаном или горитом. Форма головы и толстая длинная шея идентичны по манере с лучником из группы № 85. Фигура явно не завершена, над головой человека намечены

несколько линий, возможно, был запланирован лучистый нимб. К востоку от этой группы, на узкой горизонтальной поверхности каменного массива, выявлен знак в виде трикветра. Ещё восточнее и несколько ниже на идентичной плоскости обнаружены две тамги, размещённые на одной линии вплотную друг к другу. Первый знак — это две дуги, соединённые между собой двумя тонкими линиями, с левой вогнутой стороны имеется отдельно выведенная горизонтальная линия. Второй символ — это трикветр (рис. 4: 6).

В группе № 40 на широкой горизонтальной скальной плоскости выявлено разновременное скопление изображений, включающих сцены охоты и вереницы животных. Среди них выделяется отдельно изображенная сцена с терзанием хищником копытного животного, косули или козла. Хищник показан с крупной мордой, массивными покрытыми шерстью лапами, длинным изогнутым хвостом. На морде отмечен крупный глаз, показано маленькое ухо. Он вцепился в спину жертвы, которая выбита перпендикулярно. Добыча изображена с объёмным туловищем, треугольной мордой, маленьким раздвоенным на конце рогом, согнутой передней ногой и недорисованной задней. Ниже морды хищника имеется аккуратная брусковидная выбивка, идентичная по форме метке под лучником.

В список подобных меток можно включить ещё два примера. В обоих случаях она является диакритическим элементом тамги. В первом это линия, изображенная наискосок над правым символом в группе из трёх знаков в северном ущелье в горах Кайракколь к востоку от могильника Таусамалы (группа № 114). Во втором короткая линия помещена под нижним завитком одиночной тамги на западном склоне гор Сарытау, к северу от могильника Баласаз (рис. 5).

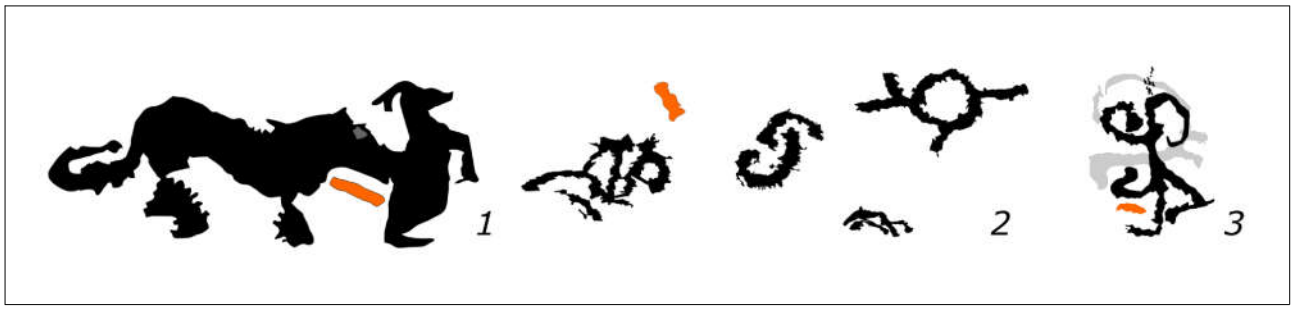

Рис. 5. Аналогии отдельным элементам и сюжетной постановке: *1*— сцена с терзанием хищником копытного и короткой брусковидной меткой. Группа № 40; *2*— три тамги из группы № 114; *3*— тамга из Сарытау.

Fig. 5. Analogies to individual elements and plot staging: *1* — scene with a predator tormenting an ungulate and a short bar-shaped mark. Group No. 40; *2* — three tamgas from group No. 114; *3* — tamga from Sarytau.

Таким образом, судя по аналогиям в технике выбивки, композиции, отдельным элементам и деталям, сцена противостояния лучника и двух козлов имеет связи с серией изображений, выявленных в горах Кайракколь, которые можно датировать в рамках IV—II вв. до н.э. При этом, собственно изображение лучника уникально и не имеет аналогий среди других подобных петроглифов (рис. 6: 1—2).

В Жетысу самые ранние петроглифы с изображением антропоморфных персонажей с лучами на голове датируются эпохой бронзы. В одну категорию «солнцеголовых» включают антропоморфные изображения с лучистым нимбом или концентрическими кругами, известные в скоплениях петроглифов Казахстана и Средней Азии. К примеру, в Тамгалы по подсчётам специалистов подобных фигур было порядка 30, трёх разных типов: первые два датируются в пределах середины XIV—XIII в. до н.э., третий — XII/XI—X вв. до н.э. По стилистическим особенностям — миниатюрности (около 5 см), динамичности жестов

и поз, однотипности «нимбов» (по восемь или девять лучей, отходящих от головы кверху), третий тип сопоставим с «восточносемиреченской» традицией наскальных изображений (Рогожинский 2009: 53—65), хорошо представленной в Ешкиольмесе (рис. 6: 3). Это может быть лучник, колесничий или фигура с зооморфными чертами (Байпаков и др. 2005: 117—119, рис. 25, 26, 28). Однако иконография этих образов, манера исполнения по сравнению с лучником из Кайракколя выглядит более архаичной. Отличаются не только пропорции тела или головы, как с фигурами из Тамгалы, но и оформление лучей над головой. На территории Монгольского Алтая в скоплении петроглифов Хар-Салаа VII (рис. 6: 4) имеется антропоморфная фигура, которая обладает некоторым сходством. Это развернутое анфас изображение с тонким грибовидным предметом на голове, внешняя поверхность которого декорирована короткими отростками (Кубарев 2009: 228, прил. 705). Не исключено, что оно так же датируется I тыс. до н.э.

В раннем железном веке традиция продолжила свое существование, как свидетельствуют находки в кургане Иссык (рис. 6: 5). Памятник, по мнению К.А. Акишева, датируется V—IV вв. до н.э. (Акишев 1978: 39). Однако анализ предметов из погребения и в т.ч. иконографии изображения на перстне привели А.К. Акишева к выводу, что она сложилась под воздействием образцов монетного чекана, в частности, тетрадрахм Александра Великого, бывших в обращении в Средней Азии в последней четверти IV — начале III в. до н.э. Это дало основание для датировки всего комплекса кургана Иссык. По мнению исследователя, изображённая на перстне голова с десятью лучами отображает господствующий в сакском обществе культ Митры, которого воплощал погребённый в кургане (Акишев 1984: 5). Проведённый радиоуглеродный анализ подтверждает для погребения в Иссыке дату IV—III вв. до н.э. (Алексеев 2005: 180—181; рис. 3: 120). Можно отметить, что похожие образы Гелиоса на монетах широко распространились в эллинистический период от Селевкидского царства до Боспора (рис. 6: 6) (Чореф 2018: 75—82, рис. 1; 2022: 15—21, рис. 1, 2).

Безусловно, образы из Ешкиольмес, на перстне из Иссыка и в горах Кайракколь близки, но в первых двух случаях, судя по всему, показывается «сияние» или «вздыбленные волосы», а у лучника из группы № 85 просматривается шлем. Эллинистические паралели, которые демонстрирует лик на перстне из Иссыка, позволяют обратить внимание на данный вектор аналогий. Лучи на головном уборе лучника не соединяются с головой напрямую, имеется изображение элементов крепления в виде двух дуг и пяти точек. Единственным хорошим аналогом выступают аттические шлемы с карийским гребнем. Форма и устройство подобных шлемов наглядно представлены в многочисленных рисунках с разной степенью детализации на античных керамических сосудах. Достаточно часто они изображены на монетах. Наиболее близкими по внешним признакам выступают шлемы IV—III вв. — с круглой каской, выраженной щетиной гребня с прорисовкой отдельных лучей, коротким хвостом из четырёх полосок в задней части, как это видно на статерах Фарнабаза II одного из западных сатрапов империи Ахеменидов (рис. 6: 7).

На шлеме из Кайракколь имеется еще одна деталь в виде неполного ряда из пяти точек между гребнем и головой (каской), очевидно, показывающих элементы крепления. Похожий вариант с шестью точками встречается на тетроболах с ликом Афины из города Приены в Ионии (290 г. до н.э.) (рис. 6: 8).

В греческом искусстве находит аналогии поза лучника, подобная постановка ног показана на краснофигурном скифосе из Этрурии, который хранится в составе античной коллекции Государственного музея Берлина. Изображения на обеих сторонах чаши для питья связаны между собой по содержанию и образуют единый фриз, в котором повествуется об убийстве вернувшимся Одиссеем женихов Пенелопы. На одной стороне нарисован бородатый Одиссей, который замаскирован под раба в экзомисе, короткой рабочей одежде. Герой изображён в момент наибольшего напряжения, держащим лук левой рукой, а правой рукой со стрелой на тетиве натягивающим тетиву для выстрела. Скифос датируется третьей четвертью — второй половиной V в. до н.э. (рис. 6: 9).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

Рис. 6. Аналогии лучнику из Кайракколь и отдельным деталям изображения: *1* — лучник из группы № 85 в горах Кайракколь; *2* — шлем лучника из группы № 85; *3* — изображение солнцеголового лучника из Ешкиольмес (поздний бронзовый век) (по Байпаков и др. 2005); *4* — антропоморфная фигура с лучистым отростком на голове. Хар-Салаа VII (Монгольский Алтай) (по Кубарев 2009); *5* — перстень с ликом Митры из кургана Иссык (IV—III вв. до н.э.) (по Хасенова, Мукатаева 2016); *6* — монета с изображением царя Антиоха VI (ок. 148—138 гг. до н.э.) (по Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin. 18252625… 2025); *7* — статер сатрапа Фарнабаза II (378—373 вв. до н.э.) (по Artemis Collection. #1109… 2025); *8* — тетробол. Приена (290 г. до н.э.) (по Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin. 18216413… 2025); *9* — фрагмент сцены из Одиссеи на краснофигурном скифосе (по Staatliche Museen zu Berlin. Ident. Nr.: F 2588… 2025); *10* — статуэтка эллинского воина. Синьцзянь (по: Waugh 2008); *11* — пектораль из скифского кургана Большая Близница (IV в. до н.э.) (по Бабенко 2018); *12* — бронзовая пластина из скифского кургана № 493 у с. Ильинцы (по Черненко 1968); *13* — пектораль из гробницы Филиппа II. Музей Вергины (по Delides 2019); *14* — пектораль из погребения 1 кургана Сарыг-Булун (Баян-Кол) (V в. до н.э.) (по Семёнов, Килуновская 1990; Яценко 2019); *15* — пектораль из кургана Аржан 2 (по: Чугунов 2011).

Fig. 6. Analogies to the archer from Kairakkol and individual details of the image: *1* — archer from group No. 85 in the Kairakkol mountains; *2* — helmet of the archer from group No. 85; *3* — image of a sun-headed archer from Eshkiolmes (Late Bronze Age) (after Baipakov et al. 2005); *4* — an anthropomorphic figure with a radiate process on the head. Khar-Salaa VII (Mongolian Altai) (after Kubarev 2009); *5* — ring with the face of Mithra from the Issyk kurgan (4th—3rd centuries BCE) (after Khassenova and Mukataeva 2016); *6* — Coin with the image of King Antiochus VI (148 BCE—138 BCE) (after Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin. 18252625… 2025); *7* — Stater of satrap Pharnabazus II (378—373 centuries BCE) (after Artemis Collection. #1109… 2025); *8* — tetrobol. Priene (290 BCE) (after Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin. 18216413… 2025); *9* — fragment of a scene from the Odyssey on a red-figure skyphos (after Staatliche Museen zu Berlin. Ident. Nr.: F 2588… 2025); *10* — Statuette of a Hellenic warrior. Xinjiang (after Waugh 2008); *11* — pectoral from the Scythian kurgan Bolshaya Bliznitsa (4th century BCE); *12* — bronze plate from Scythian kurgan No. 493 near the village of Ilyintsy (after Chernenko1968); *13* — pectoral from the tomb of Philip II. Vergina Museum (after Delides 2019); *14* — Pectoral from burial 1 of the Saryg-Bulun (Bayan-Kol) kurgan (5th century BCE) (after Semenov and Kilunovskaya 1990; Yatsenko 2019); *15* — pectoral from the Arzhan 2 kurgan (after Chugunov 2011).

Указанные иконографические параллели не должны вызывать удивления, находки греческих предметов или использование греческих образов встречается в Центральной Азии, вплоть до Китая с IV—III вв. до н.э. Примером может послужить статуэтка, изображающая греко-бактрийского воина, скорее всего, держащего копье и щит, с фригийским шлемом (рис. 6: 10). Она была обнаружена в горах Тянь-Шань, на южном берегу реки Кюнас, уезд Синьюань. Хранится в музее Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (Waugh 2008: 3; Fig. 5; Christopoulos 2022: 90; Fig. 22).

Вполне возможно, что сложение своеобразного облика лучника из Таусамалы, переданного в нехарактерной манере для этой группы петроглифов, обязано стремлению древнего мастера изобразить его по образцу изображений на монетах, на поверхности каких-либо изделий.

Довольно необычно смотрятся ступни лучника, их концы настолько длинные, что показаны слегка подогнутыми вниз, хорошо выделяются пятки. На правой ноге — круглая, на левой — длинная вытянутая, но это вследствие того, что она выбита не до конца. Либо он изображен в остроносых сапожках или ботинках, либо, что вероятнее, в открытых сандалиях или босиком.

Второй элемент костюма, который хорошо выделяется — это пектораль, гривна или накладка в верхней части. Данная деталь в силу миниатюрных размеров не имеет каких-либо особенностей, однако его луновидный абрис опознаётся уверено. Его можно сравнить со скифскими пекторалями IV в. до н.э. из курганов Толстая Могила и Большая Близница (рис. 6: 11) (Бабенко 2018: 159, рис. 4: 1). Вторым вариантом можно рассмотреть накладные

пластины на доспех, подобные обнаруженной в скифском кургане № 493 у с. Ильинцы (рис. 6: 12) (Черненко 1968: рис. 3). По мнению исследователей, они могут иметь восточнобалканское (фракийское или македонское) происхождение или сделаны под влиянием этих регионов (Бабенко 2019: 108). Ранний вариант нагрудника-пекторали демонстрирует находка из гробницы Филиппа II (рис. 6: 13) (по: Delides 2019: Fig. 5). При этом, имеются и восточные аналогии с территории Тывы. Пластинчатая пектораль обнаружена при исследовании погребения 1 кургана Сарыг-Булун (Баян-Кол) (V в. до н.э.) и богато украшенная пектораль из кургана Аржан 2 (рис. 6: 14—15) (Семёнов, Килуновская 1990: рис. 2: 35; Яценко 2019: 56, рис. 3: 1; Чугунов 2011: 43, рис. 4).

Совокупность аналогий позволяет датировать изображение лучника из Кайракколь IV—II вв. до н.э. Из этого вытекает следующий этап дискуссии, связанный с определением синхронной ему этнокультурной среды. В первую очередь, об этом свидетельствуют данные исследования могильников Таусамалы и Суук 3, которые занимают предгорную зону и платообразную вершину гор Кайракколь.

Первый могильник состоит из 122 фиксируемых курганов, которые часто сопровождаются дополнительными ритуальными конструкциями — оградами, каменными выкладками и вереницами балбалов. Выявлено три типа курганов. Первый тип — курганы с каменными кольцами-дорожками на расстоянии от центральной каменной насыпи. Разделяются на два подтипа: с круглыми оградками-дорожками (№ 95); с квадратными (трапециевидными) оградками-дорожками (№ 33). Второй тип — плоские прямоугольные или трапециевидные курганы с плотной насыпью из окатанного галечника, без дополнительных конструктивных элементов (№ 45). Вероятно, разновидностью данного типа является курган № 34 с небольшой плоской округлой насыпью. Третий тип — каменно-земляные округлые в плане курганы (№ 1 и 2). Единичный случай — это курган с каменным широким кольцом в основании насыпи и каменной выкладкой в центре. В составе могильника зафиксировано несколько типов дополнительных ритуальных сооружений: вереницы балбалов, идущие от основания насыпи или ограды; дугообразные постройки, ориентированные на восток и имеющие на восточном окончании одну или две округлые выкладки; простые линейные шеренги, ориентированные по линии северо-запад—юго-восток; кольцевые жертвенники из окатанных камней, круглой и овальной формы; выкладки в виде двух—трёх камней на восток от насыпи и кольцевой оградки дорожки, напротив прохода в оградке.

В период с 2019 по 2023 г. на могильнике исследовано 13 курганов, восемь (№ 1—3, 33, 34, 45, 90, 95) датируются второй половиной — концом I тыс. до н.э. Архитектура и погребальный обряд позволяют разделить их на два варианта. Первый (№ 1—3) — это каменно-земляные насыпи с крупными колодцеобразными ямами с ориентацией погребённых на северо-восток. В двух случаях погребённые лежали в каменных ящиках на боку в сопровождении лошадей (№ 1 и 3), в одном случае (№ 2) — в простой грунтовой яме в скорченном положении. Возможно, к этому же типу относился курган № 90. Он располагался на краю карьера и был сильно повреждён в процессе его разработки. В разрушенной могильной яме удалось зафиксировать остатки стенок каменного ящика, фрагменты костей человека и лошади. Второй вариант — это курганы с оградой-дорожкой на расстоянии от насыпи и геометрические конструкции в один сплошной ряд камней (№ 33, 45, 95). Погребения совершались в узких каменных ящиках, на спине, головой на запад и северо-запад. В одном случае (№ 34) в грунтовой яме с каменными заставками стенок.

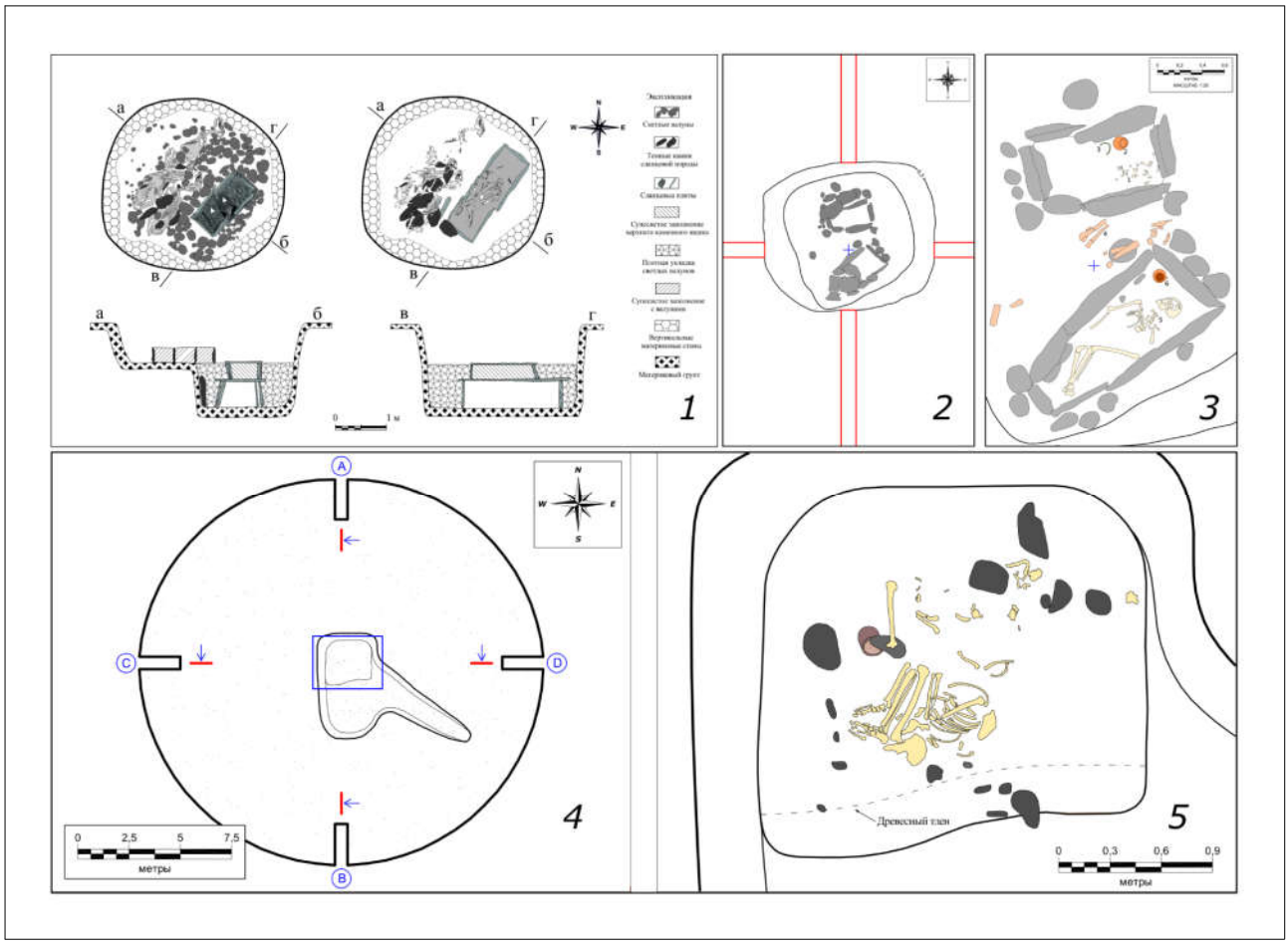

Рис. 7. Погребения первого типа на могильнике Таусамалы: *1* — курган № 1; *2—3* — курган № 4; *4—5* — курган № 2.

Fig. 7. Burials of the first type at the Tausamaly burial ground: *1* — kurgan No. 1; *2—3* — kurgan No. 4; *4—5* — kurgan No. 2.

Первый вариант курганов по сочетанию формы могильной ямы и погребального обряда близок к пазырыкской и кулажоргинской культурам Восточного Казахстана и Алтая (рис. 7). В кургане № 1 расчищена конструкция из двух ящиков, поставленных один на другой. Двое погребённых находились на материковом дне нижнего каменного ящика. Сбоку на грунтовой площадке располагались сопроводительные захоронения трёх лошадей. Близкого типа погребения с костяками, лежащими на боку, головой на северо-восток, в каменных ящиках с сопроводительным захоронением лошади обнаружены на могильниках Берел (курган № 23), Барбугазы I (курганы № 4, 6, 9, 23, 25), Джолин (погребение 8), Кызыл-Джар VIII (курган № 2), Талдур I (курган № 4), Юстыд I (курган № 16), Юстыд XII (курган № 17). Их относят к отдельной кара-кобинской культуре или к отдельному типу памятников внутри пазырыкской культуры (Самашев 2011: 20, 95; Кубарев 1991: 32, 133, табл. XV, XLI, LXX, рис. 7; 1992: 16, 114—117, 130—131, табл. VI, VIII, XXV, XXVI, XXVIII—XXX). Идентичный тип погребения в каменном ящике с сопроводительным захоронением лошади зафиксирован на могильнике Кула-жорга в Восточном Казахстане (Abzalbekov, Zhumatayev 2018: 90—95).

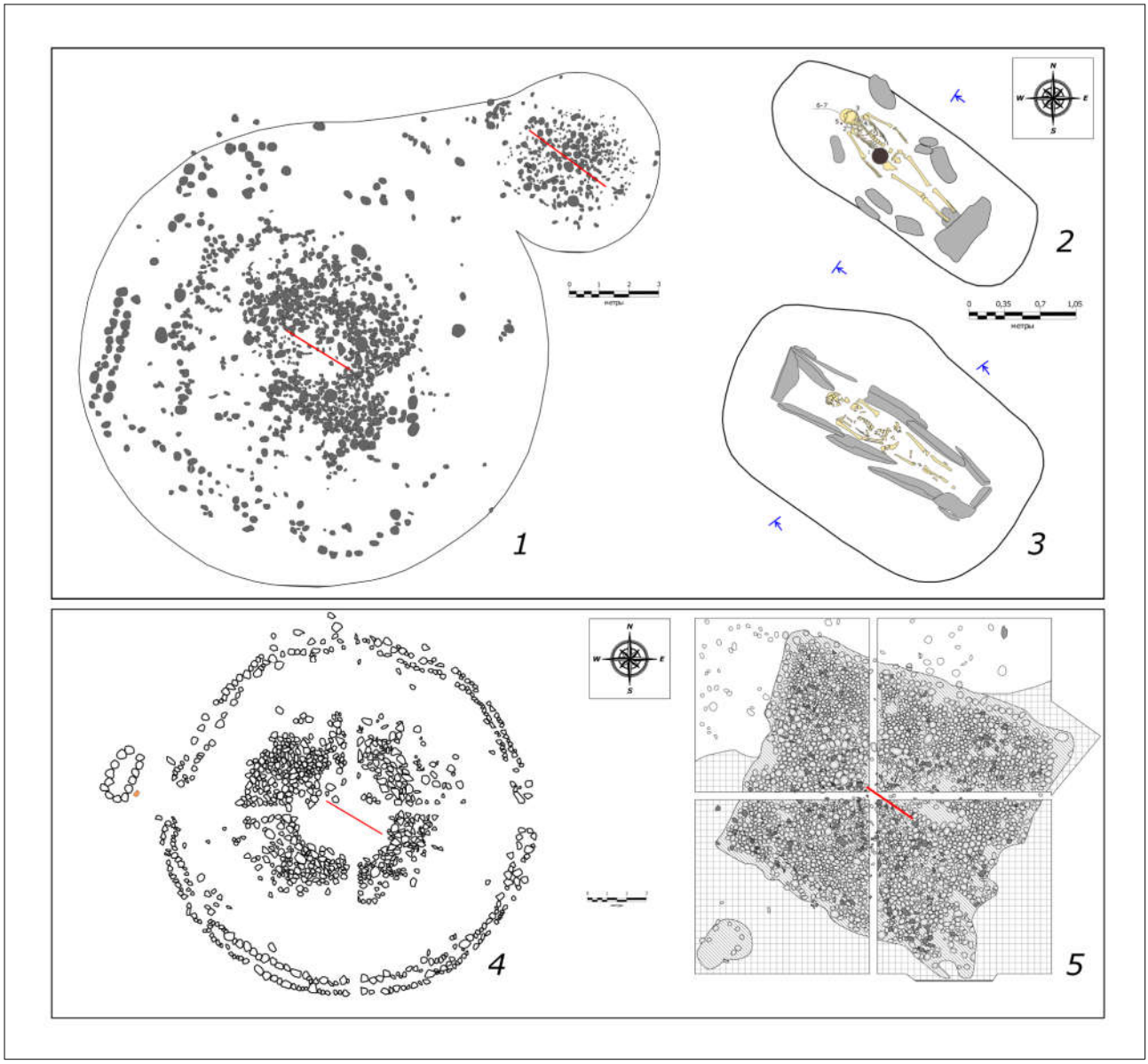

Рис. 8. Архитектура курганов и погребений второго типа: *1* — курганы № 33 и 34; *2* — курган № 34; *3* — курган № 33; *4* — курган № 95; *5* — курган № 45.

Fig. 8. Architecture of kurgans and burials of the second type: *1* — kurgans No. 33 and 34; *2* — kurgan No. 34; *3* — kurgan No. 33; *4* — kurgan No. 95; *5* — kurgan No. 45.

В кургане № 4 в могильной яме так же обнаружено два ящика, однако они были расположены друг за другом с севера на юг. В южном ящике, в юго-восточном углу северного ящика расчищено скопление мелких фрагментированных костей погребённого. В северном ящике погребённый был уложен в слабо скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток. Между двух ящиков уложены остатки конской туши. Этот тип погребения можно сравнить с сооружением двух ящиков под одной насыпью в кургане № 41 могильника кулажоргинской культуры Джартас (Самашев 1987: 96—100). Погребальный обряд, зафиксированный в северном ящике, сопоставляется с манипуляциями, которые осуществлялись с костями погребённых в двух курганах кулажоргинского могильника Славянка. Исследователи отмечают, что кости человека в одном кургане были разложены кучками, уже после того, как истлели мягкие ткани. Не исключено, что это связано

с влиянием погребальных обрядов тагарской культуры на её сарагашенском этапе (Боковенко, Заднепровский 1992: 140—148).

Погребения, подобные зафиксированному в кургане № 2 могильника Таусамалы, в грунтовых ямах без сопровождения лошади, с костяком, лежащим на правом боку с ориентировкой на восток, встречаются в северном ареале пазырыкской археологической культуры (регион по среднему течению Катуни), это погребения в курганах № 14 и 54 могильника Тыткескень-VI и кургана № 3 могильника Тыткескень-I. Памятники датируются от конца VI — начала V в. до н.э. до конца IV — III в. до н.э. (Кирюшин, Степанова 2004: 249, 271, 281, 289; рис. 68; 90: 1; 100; 108).

Второй вариант курганов могильника Таусамалы с оградами-дорожками на расстоянии от насыпи и плоскими сооружениями трапециевидными и круглыми в плане с погребениями в каменных ящиках и грунтовых могилах с закладами, на спине головой в западный сектор с отклонением (№ 33, 34, 45, 95) (рис. 8) находит аналогии среди курганов позднесакского времени Восточного Казахстана — могильники Каратобе и Котырбулак.

Первый памятник расположен у подножья северо-западной оконечности горы Кокентау, в области Абай. Памятник состоит из двух параллельных цепочек, вытянутых по линии север—юг. В западной — 10 объектов, в восточной — шесть. У курганов в западной цепочке зафиксированы двойные ограды-дорожки на расстоянии от насыпи, с проходами в северо-восточной стороне. Отдельно стоит отметить, что с южной стороны могильника по линии запад—восток идёт каменная цепочка длиной порядка 1 км. Археологические раскопки проведены на курганах № 1—3 в составе западной цепочки. Погребения совершались в грунтовых ямах с каменными заставками и каменных ящиках, на спине головой на запад и запад-юго-запад (Айткали и др. 2014: 151—160). Близкие аналогии демонстрирует курган № 1 из группы Котырбулак в предгорьях Семейтау, в 40 км к юго-западу от г. Семей. Курган имел подпрямоугольные очертания. На некотором расстоянии от насыпи зафиксирована ограда из двойного ряда камней с проходом в западной части. Могильная яма грунтовая, стенки ровные, погребённый лежал на спине головой на запад (Айткали 2016: 26—33). По мнению исследователей, курганы Кокентау и Семейтау датируются IV—III вв. до н.э. и принадлежат одной этнической группе, связанной с кочевниками, которые оставили памятники карамолинского типа в Восточной Сарыарке и группами кочевников сако-усуньского времени (Aitkali et al. 2023: 82—94; Бейсенов, Шашенов 2019: 17—29). В этот список можно включить материалы могильника Секен расположенного в 5,4 км к северу—северо-востоку от поселка Аршалы области Абай у северо-западной оконечности озера Караколь. В его составе исследованы курганы с оградами-дорожками на расстоянии от насыпей (АОИКМГС. № СКМ ГИК 28109/А). В Жетысу похожие ограды на расстоянии от насыпей зафиксированы на могильнике Калкан I. В кургане № 60 — прямоугольная, в кургане № 70 — круглая (Акишев, Кушаев 1963: 198, 201, рис. 33—34).

Материальная культура кочевников, погребённых в могильнике Таусамалы, прямо свидетельствует о восточном влиянии (рис. 9). В кургане № 1 обнаружены два плоскодонных красноглиняных сосуда грушевидной формы (рис. 9: 1—2). В верхней части, начиная от плечиков до венчика, они орнаментированы тремя валиками. Горловины прямые, широкие, венчики прямые, овальные. Первый сосуд высотой — 28 см, диаметр венчика — 9,5 см, тулова — 19 см, дна — 13 см. Второй сосуд высотой — 28 см, диаметр венчика — 9 см, тулова — 18 см, дна — 13 см. Подобные сосуды хорошо представлены в погребениях пазырыкской культуры Горного Алтая (Кубарев 1991: 57, рис. 12). Близкий по форме и орнаменту сосуд зафиксирован в кургане № 23 могильника Берел (Самашев 2011: 99, рис. 260). В кургане № 34 (мог. Таусамалы) под черепом обнаружена шпилька с плоским и завёрнутым в небольшую спираль навершием (рис. 9: 3). По форме и размерам она идентична шпилькам из женских погребений могильника Тавдушка на р. Катунь (V—IV вв. до н.э.), относящегося к северному варианту пазырыкской культуры (Шульга 2016: 253—272, рис. 127).

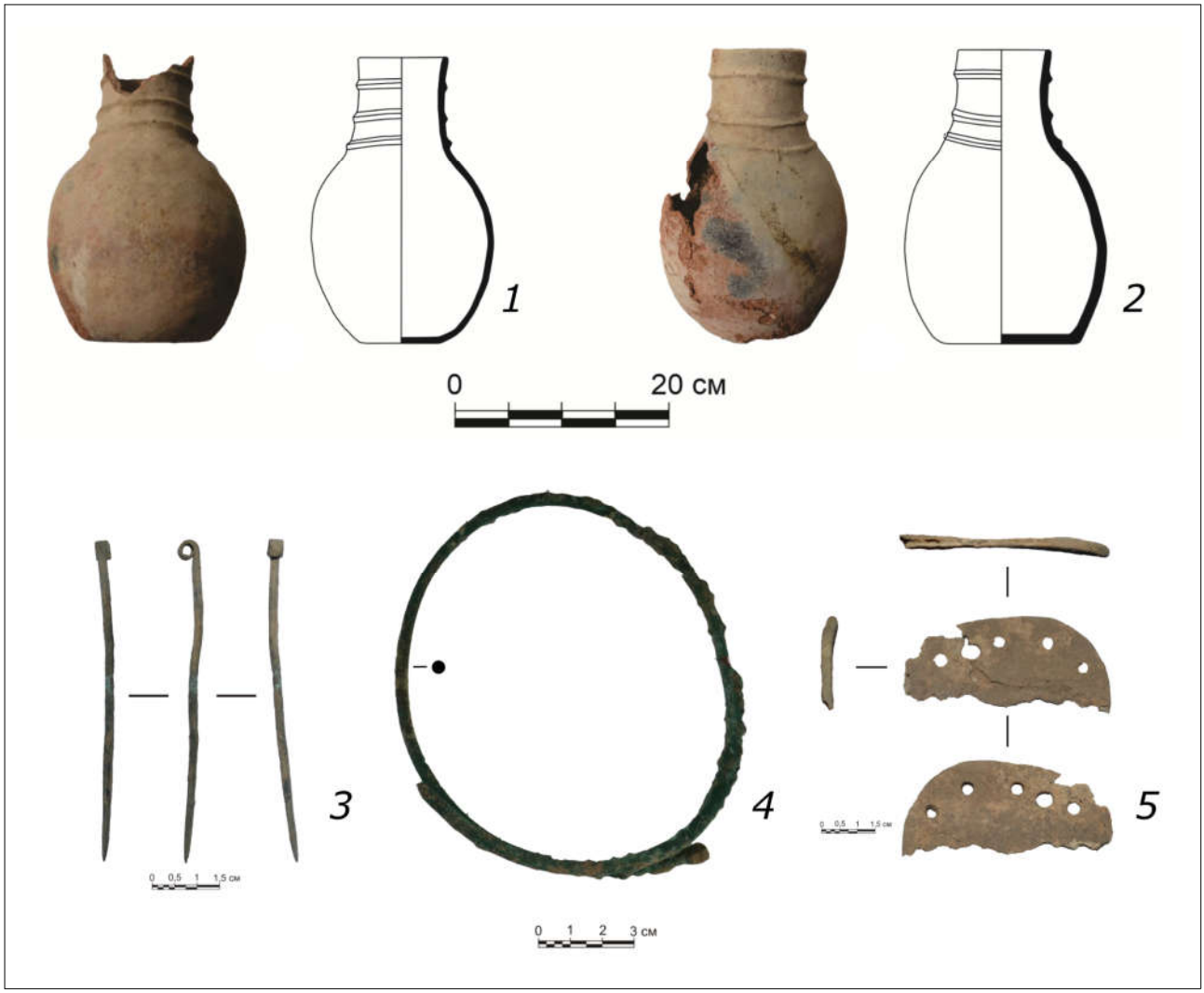

Рис. 9. Предметы восточного облика из погребений в могильнике Таусамалы: *1—2* — сосуды из погребения в кургане № 1; *3* — шпилька из погребения в кургане № 34; *4* — гривна из погребения в северном ящике кургана № 4; *5* — пластина из погребения в кургане № 34.

Fig. 9. Objects of eastern appearance from burials in the Tausamaly burial ground: *1—2* — vessels from the burial in kurgan No. 1; *3* — hairpin from the burial in kurgan No. 34; *4* — torque from the burial in the northern box of kurgan No. 4; *5* — plate from the burial in kurgan No. 34.

Алтайские и тывинские аналогии демонстрирует обнаруженная в северном ящике кургана № 4 цельнолитая проволочная гривна из цветного металла (рис. 9: 4). Похожие по типу украшения из бронзы с заходящими друг за друга концами известны в пазырыкских могильниках Алтая V—IV вв. до н.э.: Барбургазы I, курган № 26; Бике I, курган № 4; Кок-Эдиган, курган № 7. Похожие предметы известны в синхронных памятниках Тывы — могильниках Дужерлиг-Ховзу, Аймырлыг и Кызыл-Джар-1 (Степанова 2001: 89—94). Самые восточные параллели обнаруживаются для костяной пластины с отверстиями по периметру из погребения в кургане № 34 (рис. 9: 5). Подобные костяные пластины с отверстиями по периметру обнаружены в могильнике Улангом — могилы 2, 9, 41 (Новгородова 1989: 269, 272, 297).

В 2023 г. три образца из курганов № 33, 34, 45 были датированы в лаборатории Vilnus Radiocarbon в городе Вильнюс (Литва) и один образец из кургана № 4 — в лаборатории 14CHRONO Королевского Университета (Белфаст, Северная Ирландия, Великобритания) (табл. 1; 2).

Если отбросить как нереалистичные даты ниже середины V в. до н.э., то в среднем результаты по четырём курганам колеблются в диапазоне от конца V в. до н.э. или рубежа V—IV вв. до н.э. до середины III в. до н.э. Таким образом, устанавливается общая хронология для солнцеголового лучника из Кайракколь и могильника Таусамалы.

Даты хорошо коррелируются с современными представлениями о процессах, которые охватили Восточный Казахстан и Алтай в середине — второй половине I тыс. до н.э. В этот период происходят миграции позднепазырыкского населения Алтая за пределы исходного ареала, что привело к формированию в Восточном Казахстане синкретической кулажоргинской культуры. Не исключено, что в сложении последней приняли участие и более восточные популяции (Семёнов 2020: 99—110). В это же время происходят расширение их ареала и миграция в Жетысу (Иванов 2022: 250—257). Об этом свидетельствуют данные раскопок в Тарбагатае и у оз. Алаколь. В 2013 г. в Урджарском районе области Абай было исследовано женское погребение в каменном ящике. Датированный образец из погребения с вероятностью 68% отнесен к периоду между 408 и 383 гг. до н.э. (Байтанаев 2019: 9—22). Тогда же они достигают оз. Алаколь, где Г.А. Кушаевым исследованы погребения кулажоргинского и пазырыкского типа — курганы № 6, 44, 48, 49, 52 могильника Алаколь IV, курган № 51 могильника Алаколь I, курган № 2 могильника Укули. Они содержали одиночные или коллективные погребения в каменных ящиках, срубах с ориентировкой усопших на восток и северо-восток, с сопроводительными захоронениями коней и без них (НА ИА КН МНВО РК. Д. 1068: 74—92, 101—103). Далее восточноказахстанские кочевники преодолевают 230 км вдоль северных низкогорий Жетысуского Алатау до р. Аксу и гор Кайракколь. Таким образом, практически в один период середины — второй половины I тыс. до н.э. близкородственные группы оказались рассредоточены на широкой территории.

В качестве исторического аналога выступают материалы по расселению казахов из рода матай, входящих в состав найманов. В XVIII — начале XX в. они зафиксированы в нескольких внешних округах и уездах Российской империи — в Аягузском, Баянаульском и Кокпектинском внешних округах, на территории Усть-Каменогорского, Семипалатинского и Лепсинского уездов. На территории Жетысу они занимали северо-восточную часть Капальского уезда, кроме того известно, что род матай зимовал в урочищах Узунагаш, Каракога, Жантезек, а летние пастбища находились в урочищах многочисленных рек и в предгорьях Жетысуского Алатау (Муканов 1991: 19—22, 31—32, 34—35). Данный ареал показывает, как могли расселиться представители одного рода в рамках крупного племенного объединения и за его границами от Кокентау до Алатау.

В отношении курганов первого варианта, вполне надежны кулажоргинские паралели. Это кочевники отметившиеся в Прииртышье, Тарбагатае и на Алаколе. В отношении памятников второго варианта, можно предложить, два разных ответа на их происхождение. Согласно первому, они являются потомками местного сакского населения, вовлечённого в орбиту влияния кулажоргинцев и пазырыкцев, а их появление в Восточном Казахстане связано с процессами расселения из Балхаш-Илийского региона на северо-восток (Самашев 2011: 200). Во втором варианте можно предложить иную схему, появление носителей данных погребальных традиций, связано с общей миграцией кулажоргинцев, составной частью которых они являлись, из Восточного Казахстана в Жетысу. При этом, обратные миграции, происходившие позднее, вполне вероятны.

Вне зависимости от интерпретации курганов и обряда второго типа и варианта, можно утверждать, что на территории современного Аксуского района в IV—III вв. до н.э. сложилось крупное объединение кочевников с восточноказахстанским происхождением, по крайней мере, одной из составляющих его групп. Археологические разведки, проведённые в 2019—2024 гг., позволили зафиксировать несколько близких к Таусамалы могильников — на платообразной вершине гор Кайракколь, южном склоне хребта Каракунгей, у западного склона хребта Сарытау и в ущелье р. Тастыбуйен. Судя по ареалу могильников,

близкородственные коллективы освоили пространство от ущелья реки Аксу на севере до ущелья реки Тастыбуйен на юге общей площадью порядка 300 км^2.

Контакты данной этнической группы с эллинистическим миром, несмотря на удалённость, вполне вероятны. Это могло осуществляться не напрямую, а через посредничество близких к ним кочевников Центрального Жетысу и Иле-Алатау. Как показывают находки в кургане Иссык, контакты последних с Греко-Бактрией происходили в конце IV в. до н.э. или, что более надёжно, с середины III в. до н.э.

В данном регионе, кроме этого, зафиксирован ряд погребальных памятников, архитектура которых находит аналогии в Таусамалы и на территории области Абай в Восточном Казахстане. Это крупный могильник Калкан I на территории Алтын-Эмеля, в створе ущелья между горами Большой и Малый Калкан. Памятник состоит из 118 различных сооружений. В южной части могильника расположена группа небольших курганов, вокруг которых имеются кольца из камней в 3—4 м от насыпей. В северной части могильника находится группа из пяти курганов с каменной насыпью овальной формы, один из них с квадратной оградкой вокруг насыпи. Могильник датирован К.А. Акишевым и Г.А. Кушаевым I в. до н.э. — I в. н.э. (Акишев, Кушаев 1963: 194—207, рис. 31—34). Не исключено, что данная датировка является завышенной. Материалы, полученные при его исследовании, близки отдельным курганам могильника Кызылбулак-IV расположенного в археологическом комплексе Тургень-II, в 35 км к юго-востоку от села Турген в урочище Кызылбулак. В его составе выделяется курган № 2, который имел двойную каменную ограду в 10 м от насыпи. В западной и восточной частях ограды выявлены разрывы. Радиоуглеродный анализ фрагментов дерева из расположенного рядом кургана № 3 показал дату 408—200 гг. до н.э., которая совпадает с хронологией подобных памятников на могильнике Таусамалы и для позднесакских памятников Кокентау и Семейтау (Горячев 2007: 3—14, рис. 3). Таким образом, кочевые группы с архитектурой курганов второго типа, но с погребениями в грунтовых ямах с ориентировкой в западный сектор в конце I тыс. до н.э. расселялись достаточно далеко на запад, чтобы выступать контактным звеном в распространении некоторых эллинских сюжетов далее на восток.

Выводы

Как показывают материалы археологических исследований, территория Аксуского района Жетысуской области в позднесакское время была населена смешанными по происхождению кочевыми группами. Часть из них была связана с кулажоргинской культурой, а через неё с более восточными кочевниками Саяно-Алтая и Монголии. Другая, судя по архитектуре курганов и погребальному обряду, занимала промежуточное положение между жетысускими и восточноказахстанскими племенами. С этим объединением связана серия памятников, в том числе наскальной живописи, изображения в зверином стиле и серия знаков, которые можно интерпретировать, как тамги. Среди петроглифов указанного хронологического периода выделяется изображение лучника в аттическом шлеме с карийским гребнем, нагрудником, пекторалью или гривной, в сандалиях или босиком. Лучник был изображен мастером, который видел греко-македонских воинов либо греческую сцену с лучником, изображённую на фресках или керамике. Очевидно, что попытка сделать каноническую позу удалась не полностью, что видно на примере правой ноги. Полный сюжет утрачен, вероятно, образ лучника помещён в сюжет, созданный на основе местных фольклорных представлений об охоте на горных козлов. Сложности для интерпретации добавляет осуществлённое в тот же период, но несколько позднее обновление сцены, после которого фигура за двумя козлами приобрела насекомоподобный облик. Невзирая на это, само наличие лучника в шлеме свидетельствует, что кроме устойчивых региональных связей кочевников Таусамалы с племенами от Кокентау до Алатау, имелись контакты с эллинистической культурой. Они могли осуществляться через саков Иле-Алатау или

напрямую с греческими колонистами Центральной Азии. Известно, что первое массовое проникновение греков в регион к западу от Жетысу происходит при наследнике Александра Македонского Селевке I Никаторе. В 294 г. до н.э. в верхние сатрапии (Маргиана, Парфия, Арея, Бактрия, Согдиана, Паропамисады, Арахосия, Дрангиана) с широкими политическими и экономическими полномочиями был отправлен Антиох. Активное участие в процессе колонизации приняло население греческих городов Ионии (запад Малой Азии). Именно они позднее участвуют в создании самостоятельных Греко-Бактрийского и отделившегося от него Индо-греческого царства (Попов 2020: 62—68; Кошеленко, Гаибов 2014: 141—174; Гаибов и др. 1992: 10—58). Влияние Греко-Бактрии при Евтидеме и Евкратиде достигло Восточного Туркестана, что связано с экспансионистской политикой греческих царей. Ряд артефактов, среди которых ткани, украшения, статуэтки, был обнаружен в Северо-Западном Китае и говорит о проникновении эллинов и их культуры на территории к югу от Тянь-Шаня (Christopoulos 2022: 118, Map 1). В этот же период влияние Греко-Бактрии могло достигнуть кочевников Восточного Казахстана и Алтая (Самашев 2011: 200). Судя по всему, оно имело ограниченный характер, при этом сам факт является свидетельством начального этапа вовлечения позднесакских племен Восточного Жетысу, Восточного Казахстана и Туркестана в эллинистическую ойкумену, которое в конечном итоге нашло свое выражение в создании Кушанского царства и сакских владений на территории южных регионов Центральной Азии, Ирана и Индостана после II в. до н.э.

Таблица 1. **Данные радиоуглеродного анализа погребений из могильника Таусамалы в лаборатории Vilnus Radiocarbon.**

Номер кургана	Материал образца	^{14}C BP	Калиброванные даты 68.3%	Калиброванные даты 95.4%
№ 33	кость	2296 ± 31	401—361 calBC (60.0%) 272—266 calBC (4.7%) 241—236 calBC (3.5%)	408—352 calBC (64.7%) 290—209 calBC (30.8%)
№ 34	кость	2425 ± 31	712—711 calBC (0.5%) 541—411 calBC (67.8%)	749—686 calBC (16.4%) 666—639 calBC (6.9%) 587—591 calBC (0.5%) 570—403 calBC (71.6%)
№ 45	кость	2416 ± 31	539—410 calBC (68.3%)	746—689 calBC (12.8%) 666—644 calBC (5.4%) 564—401 calBC (77.3%)

Таблица 2. **Данные радиоуглеродного анализа погребений из могильника Таусамалы в лаборатории 14CHRONO.**

Номер кургана	Материал образца	^{14}C BP	Калиброванные даты 68.3%	Калиброванные даты 95.4%
№ 4	кость	2329± 29	407—386 calBC (1.000)	476—434 calBC (0.056) 423—358 calBC (0.904) 277—259 calBC (0.024) 245—233 calBC (0.016)

Литература

Айткали и др. 2014: Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж. 2014. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 году. В: Бисембаев А.А. (науч. ред.). *Кадырбаевские чтения—2014. Материалы IV международной научной конференции (9—10 октября 2014 г.).* Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 151—160.

Айткали и др. 2016: Айткали А.К., Жунисханов А.С., Бесетаев Б.Б. 2016. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау. В: Онгарулы А. (отв. ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур*. Сборник научных статей, посвященный памяти арехеолога Бекена Нурмуханбетова. Алматы: ИА, 26—33.

Акишев А.К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Акишев К.А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. Алма-Ата: Наука.

Алексеев и др. 2005: Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. 2005. *Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология*. Санкт-Петербург: Теза.

АОИКМГС. № СКМ ГИК 28109/А. Ермоленко Л.Н. *Отчет о работах археологической экспедиции Семипалатинского педагогического института им. Н.К. Крупской в Жарминском районе Семипалатинской области летом 1985 года.*

Бабенко Л.И. 2018. О бордюрах пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы. *Археологія і давня історія України* 2 (27), 155—163.

Бабенко Л.І. 2019. Дві пекторалі — шедевр та його репліка. *Донецький археологічний збірник* 22, 102—142.

Байпаков и др. 2005: Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. 2005. *Петроглифы в горах Ешкиольмес*. Алматы: ИА.

Байтанаев Б.А. 2019. Курган Урджар: история открытия и некоторые итоги исследования. *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)* 2 (4), 9—22.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. 2019. Новые исследования на могильнике Тасарал-3 (Центральный Казахстан). В: Демин М.А. и др. (отв. ред.). *Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение)*. 2018 г. Вып. 14. Материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 22—23 мая 2019 г.). Барнаул: АлтГПУ, 17—29.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана. В: М.Г. Мошкова (отв. ред.). *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР*. Москва: Наука, 140—148.

Гаибов и др. 1992: Гаибов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. 1992. Глава первая Эллинистический Восток. В: Е.С. Голубцова (отв. ред.). *Эллинизм: восток и запад*. Москва: Наука, 10—58.

Горячев А.А. 2007. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургень. *Известия НАН РК. Сер. обществ. наук* 1, 3—14.

Иванов С.С. 2022. Этнокультурная ситуация на северо-восточной периферии сакской культуры Притяньшанья в IV—III вв. до н.э. *Уфимский археологический вестник* 2 (22), 250—257.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. 2004. *Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни*. Барнаул: Алтайский университет.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2014. Эллинистический Восток: колонизация верхних сатрапий (масштабы, динамика, характер). *Проблемы истории, филологии, культуры* 2 (44), 141—174.

Кубарев В.Д. 1991. *Курганы Юстыда.* Новосибирск: Наука.

Кубарев В.Д. 1992. *Курганы Сайлюгема*. Новосибирск: Наука.

Кубарев В.Д. 2009. *Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Муканов М.С. 1991. *Этническая территория казахов в XVIII — начале XX веков.* Алма-Ата: Казахстан.

НА ИА КН МНВО РК. Д. 1068: Кушаев Г.А. *Очерки древней истории Семиречья. Раздел II. Памятники Алакульской впадины и долины реки Лепсы*.

Новгородова Э.А. 1989. *Древняя Монголия*. Москва: Наука.

Попов А.А. 2020. Истоки и зарождение греко-буддизма в Индии и Бактрии. *Вестник СПбГИК* 1 (42), 62—68.

Рогожинский А.Е. 2009. Наскальные изображения "солнцеголовых" из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии. В: В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт (ред.). *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана.* Вып. 4. Бишкек: Илим, 53—65.

Самашев З.С. 1987. Памятники кулажургинского типа. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата: Наука КазССР, 95—114.

Самашев З. 2011. *Берел.* Алматы: Таймас.

Семёнов В.А., Килуновская М.Е. 1990. Новые памятники раннего железного века в Тыве. *Информационный бюллетень МАИКЦА* 17, 36—47.

Семёнов Вл.А. 2010. Усуни на севере Центральной Азии. *Археология, этнография и антропология Евразии* 3 (43), 99—110.

Степанова Н.Ф. 2001. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая. В: В.И. Соенов (отв. ред.). *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии*. Вып. 7. Горно-Алтайск: ГАГУ, 89—94.

Хасенова Б., Мукатаева Ш. 2016. *Золото веков. Коллекция предметов из золота и серебра Национального музея*. Астана: РЕГИС-СТ Полиграф.

Черненко Е.В. 1968. *Скифский доспех*. Киев: Наукова думка.

Чореф М.М. 2018. Монеты Боспорского и херсонесского чекана с изображением Гелиоса на аверсе как источники исторической информации. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 5, 75—82.

Чореф М.М. 2022. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Чугунов К.В. 2011. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. В: Д.А. Мачинский (отв. ред.). *Европейская Сарматия.* Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Щукину (По материалам конференции, проведённой в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 26—27 декабря 2009 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 39—60.

Шульга П.И. 2016. Раскопки могильника Тавдушка на Катуни. В: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (отв. ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 253—272.

Ярыгин и др. 2024: Ярыгин С.А., Сакенов С.К., Ильдеряков Н.Н. 2024. Тамги и петроглифы в горах Кайракколь и Каракунгей (по материалам исследований 2022—2023 годов). *Поволжская археология* 3 (49), 186—201.

Яценко С.А. 2019. Пекторали иранских и иранизированных народов древности. *МАИАСП* 11, 33—72.

Abzalbekov M.Ya., Zhumatayev R.S. 2018. Funeral architecture of archeological monuments of «Kulazhorga» type. *Хабаршы. Тарих сериясы* 2 (89), 90—95.

Aitkali et al. 2023: Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rakhmankulov E. 2023. Investigation of the burial mounds of early nomads of the Irtysh river region of Semey. *Kazakhstan Archeology* 3 (21), 82—94. DOI: 10.52967/akz2023.3.21.82.94.

Artemis Collection. Achaemenid Empire. Pharnabazos II Stater (378—373 BC). #1109. Tarsos, Cilicia. URL: https://artemis-collection.com/collection-map/ (дата обращения 10.02.2025).

Christopoulos L. 2022. Dionysian Rituals and the Golden Zeus of China. In Victor H. Mair (ed.). *Sino-Platonic Papers* 326. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations, University of Pennsylvania.

Delides G.S. 2019. King Philip’s II of Macedonia Tomb Revisited. The Female Remains in the Antechamber are Still Unidentifiable. *International Journal of Forensic Science & Pathology (IJFP)* 6 (3), 411—416.

Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin — Stiftung Preußischer Kulturbesitz, 18252625. Photographs by Reinhard Saczewski. URL: https://ikmk.smb.museum/object?id=18252625 (дата обращения 10.02.2025).

Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin — Stiftung Preußischer Kulturbesitz, 18216413. Photographs by Reinhard Saczewski. URL: http://greekcoinage.org/iris/id/priene_regling_1927_c (дата обращения 10.02.2025).

Staatliche Museenzu Berlin. Antikensammlung, Attischer Skyphos. Ident. Nr.: F 2588. URL: https://id.smb.museum/object/686889/attischer-skyphos (дата обращения 10.02.2025).

The Metropolitan Museum of Art. The Collection. Greek and Roman Art. Terracotta hydria: kalpis (water jar). Object Number: 10.210.19. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/248307 (дата обращения 10.02.2025).

Waugh D. 2008. Beyond the Sensational: The Reiss Engelhorn-Museums. *Origins of the Silk Road* 5.2, 1—6.

References

Aitkali et al. 2014: Aitkali, A.K., Zhuniskhanov, A.S., Kairmagambetov, A.M., Ahmetov, M.G., Rahmankulov, E.Zh. 2014. In: Bisembaev, A.A. (ed.). *"Kadyrbaevskie chteniya — 2014". Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii ("Kadyrbaevskie chteniya — 2014". Proceedings of the IV international scientific conference*). Aktobe: Aktobe Regional Museum of Local History, 151—160 (in Russian).

Aitkali, A.K., Zhuniskhanov, A.S., Besetaev, B.B. 2016. In: Onggaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur: Sbornik nauchnyh statei, posvyashchennyj pamyati arekheologa Bekena Nurmuhanbetova (Sakas and Sauromatians of the Kazakh steppes: contact of cultures: Collection of scientific articles dedicated to the memory of archaeologist Beken Nurmukhanbetov).* Almaty, 26—33 (in Russian).

Akishev, A.K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and mythology of the Sakas)*. Alma-Ata: Nauka (in Russian).

Akishev, K.A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Issyk Mound. Art of the Sakas of Kazakhstan)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Akishev, K.A., Kushaev, G.A. 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny reki Ili (Ancient culture of the Sakas and Wusunes of the Ili River Valley).* Alma-Ata: Nauka (in Russian).

Alekseev 2005: Alekseev, A.Yu., Bokovenko, N.A., Vasilev, S.S., Dergachev, V.A., Zaitseva G.I., Kovaliukh N.N., Cook G., van der Plicht J., Possnert G., Sementsov A.A., Scott E.M., Chugunov, K.V. 2005. *Evraziya v skifskuyu epohu: radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya (Eurasia in the Scythian Era: Radiocarbon and Archaeological Chronology)*. Saint Petersburg: Teza (in Russian).

Babenko, L.I. 2018. In *Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni (Archaeology and Early History of Ukraine)* 2 (27), 155—163 (in Russian).

Babenko, L.I. 2019. *Donets'kyy arkheolohichnyy zbirnyk (Donetsk archaeological collection)* 22, 102—142 (in Ukrainian).

Baipakov et al. 2005: Baipakov, K.M., Mar'yashev, A.N., Potapov, S.A., Goryachev, A.A. 2005. *Petroglify v gorah Eshkiolmes (Petroglyphs in the Eshkiolmes Mountains)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Baitanayev, B.A. 2019. In *Kazakhstan Archeology* 2 (4), 9—22 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Shashenov, D.T. 2019. V: Demin, M.A., Scheglova, T.K., Gribanova, N.S. (ed.). *Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie). 2018 g.:* Vyp. 14: materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Barnaul, 22—23 maya 2019 g. (*Field research in Upper Ob, Irtysh and Altai (archaeology, ethnography, oral history and museum studies)*. 2018: August 14: materials of the XIV international. scientific-practical conference). Barnaul: ALTSPU, 17—29 (in Russian).

Bokovenko, N.A., Zadneprovskij, Yu.A. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR (Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period. Archaeology of the USSR).* Moscow: Nauka, 140—148 (in Russian).

Gaibov et al. 1992: Gaibov, B.G., Koshelenko, G.A., Serdityh, Z.V. 1992. In: Golubcova E.S. (ed.). *Ellinizm: vostok i zapad (Hellenism: East and West).* Moscow: Nauka, 10—58 (in Russian).

Goryachev, A.A. 2007. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 1, 3—14 (in Russian).

Ermolenko, L.N. 1986. *Otchet o rabotah arheologicheskoj ekspedicii Semipalatinskogo pedagogicheskogo instituta im. N.K. Krupskoj v Zharminskom rajone Semipalatinskoj oblasti letom 1985 goda (Report on the work of the archaeological expedition of the Semipalatinsk Pedagogical Institute named after N.K. Krupskoy in Zharminsky district of the Semipalatinsk region in the summer of 1985).* Semipalatinsk. No. SKM GIK 28109/A. Archive of the Regional Historical and Regional Museum of the city of Semey (in Russian).

Ivanov, S.S. 2022. In *Ufimskii arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 2.*Vol. 22. 250—257 (in Russian).

Kiryushin, Yu.F., Stepanova, N.F. 2004. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Chast III. Pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni Srednej Katuni (Scythian epoch of the Altai Mountains. Part III. Burial complexes of the Scythian period of the Middle Katun).* Barnaul: Altai University Press (in Russian).

Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A. 2014. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture)* 2(44), 141—174 (in Russian).

Kubarev, V.D. 1991. *Kurgany Yustyda (Yustyd Mounds)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Kubarev, V.D. 1992. *Kurgany Sajlyugema (Saylugem Mounds)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Kubarev, V.D. 2009. *Petroglify Shiveet-Hajrhana (Mongol'skij Altaj) (Petroglyphs of Shiveet-Khairkhan (Mongolian Altai)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

SA IA SC MSHE RK. D. 1068: Kushaev, G.A. 1968. *Ocherki drevnej istorii Semirech'ya. Razdel II. Pamyatniki Alakul'skoj vpadiny i doliny reki Lepsy (Essays on the ancient history of Semirechye. Section I. Monuments of the Alakul Depression and the Lepsy River Valley)* (in Russian).

Mukanov, M.S. 1991. *Etnicheskaya territoriya kazahov v XVIII — nachale XX vekov (Ethnic territory of the Kazakhs in the 17th — early 20th centuries)*. Almaty: Kazahstan (in Russian).

Novgorodova, E.A. 1989. *Drevnyaya Mongoliya (Ancient Mongolia)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Popov, A.A. 2020. In *Vestnik SPbGIK (Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture)* 1 (42), 62—68 (in Russian).

Rogozhinskii, A.E. 2009. In: Kolchenko, V.A., Rott, F.G. (eds.) *Materialy i issledovaniya po arheologii Kyrgyzstana (Materials and research on the archeology of Kyrgyzstan)* 4. Bishkek: Ilim, 53—65 (in Russian).

Samashev, Z. 2011. *Berel.* Almaty: Taimas (in Russian).

Samashev, Z.S. 1987. In: Akishev K.A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoj GES (Archaeological sites in the flood zone of the Shulbinskaya hydroelectric power station).* Almaty: Nauka KazSSR, 95—114 (in Russian).

Semenov, Vl.A., Kilunovskaya M.E. 1990. In *Informacionnyj byulleten MAIKCA (Newsletter of the International Association for the Study of Central Asian Cultures)* 17, 36—47 (in Russian).

Semenov, Vl.A. 2010. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 3(43), 99—110 (in Russian).

Shulga, P.I. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (ed.) *Altai v krugu evraziiskih drevnostei (Altai in the circle of Eurasian antiquities).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 253—272 (in Russian).

Stepanova, N.F. 2001. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arheologii (Antiquities of Altai. News of the Archaeology Laboratory)* 7. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 89—94 (in Russian).

Khassenova, B., Mukataeva, Sh. 2016. *Zoloto vekov. Kollekciya predmetov iz zolota i serebra Nacional'nogo muzeya (Gold of Ages. Collection of gold and silver objects of the National Museum).* Astana: REGIS-ST Poligraf (in Russian).

Chernenko, E.V. 1968. *Skifskij dospekh (Scythian armor)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Choref, M.M. 2018. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 5, 75—82 (in Russian).

Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2011. In: Machinskij, D.A. (ed.). *Evropejskaya Sarmatiya.* Sbornik, posvyashchyonnyj Marku Borisovichu Schukinu. (Po materialam konferentsii, provedyonnoj v ramkah XIV chtenij pamyati Anny Machinskoj. Staraya Ladoga, 26—27 dekabrya 2009 g.) (*European Sarmatia*. Born in 1938, dedicated to Mark Borisovich Schukin. (Based on materials from a conference held in the framework of the 14th century in memory of Anna Machinskaya. Staraya Ladoga, December 26—27, 2009). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 39—60 (in Russian).

Yarygin et al. 2024: Yarygin, S.A., Sakenov, S.K., Ilderyakov, N.N. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3 (49), 186—201 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 33—72. DOI 10.24411/2713-2021-2019-00002 (in Russian).

Abzalbekov, M.Ya., Zhumatayev, R.S. 2018. In *Habarshy. Tarihseriyasy (News. Series history).* 2 (89), 90—95.

Aitkali et al. 2023: Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rakhmankulov E. 2023. Investigation of the burial mounds of early nomads of the Irtysh river region of Semey. *Kazakhstan Archeology* 3 (21), 82—94. DOI: 10.52967/akz2023.3.21.82.94.

Artemis Collection. Achaemenid Empire. Pharnabazos II Stater (378-373 BC). #1109. Tarsos, Cilicia. Available at: https://artemis-collection.com/collection-map/ (accessed 10.02.2025).

Christopoulos, L. 2022. In Victor H. Mair (ed.). *Sino-Platonic Papers*. Number 326. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations, University of Pennsylvania.

Delides, G.S. 2019. In *International Journal of Forensic Science & Pathology (IJFP)* 6(3), 411—416. DOI:10.19070/2332-287X-1900086.

Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin — Stiftung Preußischer Kulturbesitz, 18252625. Photographs by Reinhard Saczewski. Available at: https://ikmk.smb.museum/object?id=18252625 (accessed 10.02.2025).

Münzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin — Stiftung Preußischer Kulturbesitz, 18216413. Photographs by Reinhard Saczewski. Available at: http://greekcoinage.org/iris/id/priene_regling_1927_c (accessed 10.02.2025).

Staatliche Museen zu Berlin. Antikensammlung, Attischer Skyphos. Ident. Nr.: F 2588. Available at: https://id.smb.museum/object/686889/attischer-skyphos (accessed 10.02.2025).

The Metropolitan Museum of Art. The Collection. Greek and Roman Art. Terracotta hydria: kalpis (water jar). Object Number: 10.210.19. Available at: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/248307 (accessed 10.02.2025).

Waugh, D. 2008. Beyond the Sensational: The Reiss Engelhorn-Museums. *Origins of the Silk Road* 5.2, 1—6.